

Сентября 15 (28)

Преподобноисповедник Игнатий (Бирюков)

Преподобноисповедник Игнатий (в миру Иван Адрианович Бирюков) родился 25 мая 1865 года в городе Бирюче Воронежской губернии в семье крестьян Адриана Павловича и Екатерины Николаевны Бирюковых. Кроме крестьянских работ, Адриан Павлович хорошо знал кузнечное ремесло. Иван обучался в Бирючском городском училище. Здесь он участвовал в хоре и здесь полюбил пение, особенно церковное. Бирюковы были прихожанами Успенской церкви, где церковным хором управлял старший брат Ивана, Михаил. В этом же хоре пел и сам Иван и еще четверо его братьев. Церковное пение оказало огромное благодатно-воспитующее влияние на Ивана, который от природы был мальчиком шаловливым. Но постепенно чтение церковных книг, и особенно житий святых, склонило его к мысли об иночестве. Мать, души не чаявшая в своем сыне, из всех детей особенно выделявшая и любившая Ивана, которого она ласково называла касатиком, просила его не уезжать далеко, а пойти в ближайший к городу Бирючу Валуйский монастырь.

9 октября 1878 года, когда Ивану было тринадцать лет, родители, помолившись, благословили его поступить в монастырь. В то время наместником Валуйского монастыря был архимандрит Игнатий (Алексеевский), он взял мальчика к себе келейником. Послушание ему было дано клиросное – он ходил каждый день в церковь на правый клирос читать и петь. Настоятель и братия полюбили молодого послушника за его кроткое и благонравное поведение, а также за искусное пение и чтение. Когда скончался в монастыре регент, настоятель благословил управлять монастырским хором Ивана.

При монастыре была школа для детей-сирот, находившаяся в подмонастырской слободке. Монастырь бесплатно одевал, кормил и обучал детей. Для них было отведено особое помещение вблизи монастыря. Дети участвовали и в монастырском хоре. Правый клирос состоял из двадцати человек: басы и тенора набирались из монашествующей братии, а дисканты и альты из детей монастырской школы.

Став регентом, Иван принялся за изучение теории вокальной и инструментальной музыки, научился играть на скрипке и на фисгармонии; игра его на этих инструментах хотя и не была профессиональной, но вполне достаточной для изучения вокала. В 1888 году он издал нотный сборник – догматики восьми гласов знаменного распева. Было у него несколько произведений собственного сочинения, но Иван по смирению не стал их издавать, и они все остались в рукописи. Будучи страстным любителем церковного пения, он с необыкновенным рвением исполнял послушание монастырского регента, за что стал получать выговоры от настоятеля, так как эта ревность не по разуму в исполнении монастырского послушания привела к печальным последствиям: Иван заболел туберкулезом, и у него открылось кровотечение. Настоятель пригласил из Валук врача и просил его взяться за лечение регента. Врач посоветовал длительный отпуск. Архимандрит Игнатий благословил послушника отправиться в семимесячный отпуск, который ему должно было провести в путешествии по святым местам и Афону.

В январе 1894 года Иван отправился в Киев, где прожил неделю, молясь у киевских святынь. В Киеве он получил заграничный паспорт для проследования в Иерусалим, на Афон и обратно в Киев и по железной дороге проехал в Одессу, где сел вместе с другими паломниками на пароход, плывший на Святую Землю. От Одессы до Яффы пароход шел две недели. Первая остановка была в Константинополе, где пароход простоял двое суток. Больше всего послушника, да и всех паломников, в Константинополе поразил храм Святой Софии. Дорогой останавливались в Пиреях, Смирне, Александрии и в Бейруте. Из Яффы по узкоколейной железной дороге проехали в Иерусалим, куда прибыли 22 февраля. Паломников разместили в гостиницах, которые назывались в то время Русскими постройками.

Отдохнув от трудного и долгого пути, Иван вместе с другими паломниками первым делом поклонился Гробу Господню, святой Голгофе, а затем принял благословение у Иерусалимского Патриарха Герасима. На другой день караван русских паломников в числе около четырехсот человек, оберегаемый от кочевых бедуинов стражей Миссии, отправился по святым местам: в Вифлеем, к Мамврийскому дубу в Хеврон, в Горняя, к Сорокадневной горе, в Иерихон, к реке Иордан, в Назарет, Тивериаду, на Фаворскую гору, в Кану Галилейскую, в город Наин, в Самарию и ко всем тем местам, которые упоминаются в Священном Писании. Это путешествие заняло три недели. Вернувшись в Иерусалим, они около недели отдыхали, а затем пошли помолиться у святых мест Иерусалима: на горе Елеонской, в Гефсимании, у Овчей купели. Побывали в древней обители преподобного Саввы Освященного, в Омаровой мечети, стоящей на месте Соломонова храма, в армянских и католических храмах и монастырях. Так дожили до Страстной седмицы. В Великий Четверг Иван пошел в Троицкий храм Русской миссии причаститься Святых Христовых Таин. В этот день он также застал литургию в греческом храме Воскресения, которую служил Патриарх Герасим. Патриарх совершал и обряд омовения ног под открытым небом на площади с южной стороны Воскресенского храма в сослужении греческого и русского духовенства при многочисленном стечении православных паломников самых разных национальностей: греков, русских, арабов, болгар, сербов и других. На утреню и литургию в Великую Субботу Иван пошел в греческий храм Воскресения. Здесь же он встретил и великий праздник Воскресения Христова. Служил Патриарх Герасим вместе с многочисленным православным духовенством, принадлежавшим к самым разным национальным церквям. Литургия закончилась в пять часов утра. Душа молодого паломника была полна благодарности Богу. Пожалуй, еще никогда его переживания не были столь сильны и глубоки. Неизреченное духовное утешение получил он в этот незабвенный день Пасхи Христовой.

В два часа пополудни Патриарх Герасим в присутствии синодальных архиереев в патриаршей резиденции христосовался со всем православным духовенством и народом; затем отслужил великую вечерню.

Пасхальную седмицу Иван употребил для того, чтобы поклониться в последний раз святым местам Иерусалима, так как понимал, что вряд ли Господь сподобит его вновь побывать здесь. На Светлой седмице он еще раз причастился Святых Таин. В Фомино воскресенье он принял благословение у Патриарха Герасима и вместе с другими паломниками выехал в Яффу; через пять дней пароход доставил их на святую гору Афон.

На Афоне Иван пробыл три месяца, проживая в разных русских монастырях и проходя в них различные послушания: он пел, переписывал ноты и делал многое другое, исключая чтение при богослужении. Вблизи берегов Афона он вместе с афонскими монахами попал в шторм. Буря была такая, что они едва не погибли. Все усилия управиться с баркасом оказывались тщетны. Он в любую минуту мог потерпеть крушение. Только от Бога можно было ждать помощи. Иван со слезами взмолился ко Господу, чтобы Он извел их из этой беды; молились и другие. Господь внял их молитве, баркас остался цел, но впоследствии одно воспоминание о пережитой буре приводило Ивана в содрогание.

После праздника святого великомученика и целителя Пантелеимона Иван вместе с другими паломниками отправился с Афона в Россию, куда прибыл 5 августа. Праздник Успения Божией Матери он провел в Почаевской Лавре, а 25 августа вернулся в начальный пункт своего путешествия – Киево-Печерскую Лавру. Здесь в конторе Палестинского общества он оставил проездной билет общества от Киева по святым местам, на Афон и обратно, который обошелся ему в тридцать семь рублей пятьдесят копеек.

Помолясь у киевских святынь, Иван отправился в Валуйский монастырь и был встречен здесь с радостью настоятелем и братией. Путешествие чрезвычайно благотворно сказалось на состоянии его здоровья, на родину он вернулся бодрым и полным сил. Настоятель, зная о пристрастии юноши к монастырскому хору и опасаясь, как бы он вновь не расстроил свое здоровье, совершенно освободил его от клиросного послушания, благословив быть регентом ученика Ивана, инока Никифора (Шацкого), а Ивана сначала назначил помощником повара, потом помощником трапезного, потом благословил его быть звонарем, а затем снова своим келейником и учителем монастырской школы грамоты.

В 1896 году Иван был официально зачислен в число послушников монастыря. 20 декабря 1897 года на тридцать третьем году жизни Иван был пострижен настоятелем, архимандритом Игнатием, в монашество с наречением ему имени Игнатий. В 1898 году епископ Иосиф (Соколов) рукоположил его в Алексеевском монастыре в сан иеродиакона. Через два года епископ Воронежский Анастасий (Добрадин) рукоположил его в Воронежском Митрофаньевском монастыре в сан иеромонаха. С этого времени по благословению настоятеля он снова стал управлять монастырским хором.

В 1900 году настоятелю монастыря архимандриту Игнатию исполнилось семьдесят семь лет, ему все труднее становилось управлять монастырем, и епархиальное начальство назначило иеромонаха Игнатия помощником настоятеля.

В 1908 году вследствие повторного ухудшения здоровья иеромонах Игнатий с разрешения настоятеля и епархиального начальства был отпущен в путешествие по святым местам России. Он побывал в Троице-Сергиевой и Александро-Невской Лаврах и в Валаамском монастыре. Восстановив силы, он через полтора месяца вернулся в родной монастырь. В 1910 году здоровье его снова расстроилось, врачи, лечившие его в Валуйках, посоветовали ему отправиться в путешествие, и настоятель благословил поехать на Кавказ. Иеромонах Игнатий побывал на Новом Афоне, в Сухум-Кале, в Команах, в Новороссийске и Краснодаре.

3 февраля 1912 года скончался архимандрит Игнатий, и иеромонах Игнатий был избран братией настоятелем Валуйского монастыря. Епархиальное начальство утвердило этот выбор, и 19 апреля 1912 года он был возведен в сан игумена, а впоследствии – архимандрита. Теперь то, что отцу Игнатию

приходилось делать в течение двенадцати лет как помощнику, он стал делать как настоятель. Уже во времена гонений на Церковь, когда монастырь был закрыт, желая, чтобы сохранились о монастыре достоверные сведения, он кратко записал его историю.

“Валуйский монастырь основан в 1615 году старцем Корнилием и его сподвижниками, имена коих неизвестны, – писал отец Игнатий. – Сей монастырь отстоит от города Валук в трех верстах и расположен на весьма хорошем месте на полуострове. С восточной стороны монастырь окаймлен рощами, где протекает река Валуй, а с западной стороны – рекой Оскол, за которой тянутся цепи гор с вековыми лесами, откуда открывается чудная панорама окрестностей города Валук и самого монастыря.

Монастырю принадлежало сто десятин леса с рощами и восемьдесят десятин луга. В реках братия ловила рыбу. Настоятельством в Валуйском монастыре последние пятьдесят лет архимандрит Игнатий (Алексеевский). Скончался он на девяностом году жизни и был погребен в ограде монастыря близ алтаря Успенского храма. Погребение совершали Задонский архимандрит Александр и ключарь архиепископа Анастасия, протоиерей Григорий Алферов, протоиереи и священники разных селений Валуйского уезда, сердечно и глубоко почитавшие почившего старца за его благочестивую жизнь, вместе с монастырской братией, со множеством богомольцев из примыкающих к монастырю селений и разной беднотой, для которой покойный старец был всегдашним кормильцем и помощником в их житейских нуждах. При своей кончине старец и мне, его преемнику, завещал никогда не оставлять всех в нуждах сущих: странников, нищих и убогих, что я, по завету моего покойного старца и духовного воспитателя, всегда старался исполнять в точности, до тех пор, пока сам волею судеб Божиих не сделался странником.

Братии в монастыре было около ста человек на разных монастырских послушаниях. Двенадцать иеромонахов, шесть иеродиаконов, четыре иеросхимонаха: Феоктист, Филипп, Иоасаф, другой Феоктист – очень хорошей жизни. Два схимонаха истинной монашеской жизни – Пахомий и Антоний – да будет им Царствие Небесное!

В монастыре были мастерские: сапожная, портняжная, столярная, кузнечная, слесарная. Водяная и паровая мельницы. Два сада. Свечной восковой завод. Хлебня, поварня, общая для всей братии трапеза, не исключая и настоятеля. Экономический двор для рабочей братии, здесь же было помещение для мойки и просушки белья и тому подобное.

У монастыря было восемь лошадей, хорошие огороды, хлебопашеской земли не было. Было до двадцати дойных коров, кроме яловых и подростков с телятками. Была хорошая пасека – до трехсот колод. Была в монастыре живописная мастерская и иконная лавочка. Всякий из братии, не исключая и настоятеля, обязан был по мере своих сил трудиться на общую пользу в положенное время и час, за что каждый был одет, обут, накормлен и напоен. Был свой монастырский фельдшер, аптека и приемный покой для больных, временами наезжал доктор из Валук – для освидетельствования больных и надлежащих указаний фельдшеру.

Храмов в монастыре было три: Успенский, Николаевский и Трапезный. Братия монастыря ежедневно посещала службу в храме. Те из братии, которые были приурочены к послушаниям в мастерских, отстояв в церкви полунощницу, прикладывались к святым иконам и, приняв благословение настоятеля, уходили

на свое послушание, где и трудились до завтрака, а потом и до обеденного времени, то есть до двенадцати часов дня, а клиросная братия, то есть певцы и чтецы, вместе со священнослужашей братией и старцами, уже не способными к труду, оставались в храме.

Утренняя в монастыре начиналась в три часа пополудни, затем ранняя обедня и молебен с акафистом чередному святому, после молебна служилась поздняя литургия, которая оканчивалась в двенадцать часов дня; затем – звон на общую трапезу... После обеда отдых до двух часов пополудни. В два часа дня все расходятся по послушаниям до шести часов вечера. В четыре часа пополудни звон к вечерне, к которой отправляется клиросная братия и священнослужители; вечерня оканчивается около семи часов вечера. В восемь часов – звон на ужин... После ужина читалось общее монашеское правило, состоявшее из трех канонов с акафистами; после него пелись всей братией крестные стихиры, во время пения которых братия прикладывалась ко кресту. Затем, приняв благословение у настоятеля, братия расходилась по кельям на ночной отдых до трех часов утра.

Валуйский монастырь

Воскресные и праздничные богослужения начинались всеобщим бдением в шесть часов вечера, которое заканчивалось около двенадцати часов ночи. Ранняя воскресная литургия начиналась в пять часов утра, поздняя в девять часов и оканчивалась в двенадцать часов дня. После службы был обед и затем отдых до вечерни.

Настоятель монастыря архимандрит Игнатий (Алексеевский) строго придерживался данного церковного устава и вообще держал братию строго. Примеру его следовал и архимандрит Игнатий (Бирюков)”.

Во время Первой мировой войны, когда многие мужчины из окружавших монастырь селений ушли на фронт, отец Игнатий предложил взять на монастырское обеспечение их семьи. Монастырь регулярно снабжал их одеждой, обувью, продуктами и деньгами во все время войны, и эти семьи не чувствовали ни в чем недостатка, имея от монастыря Божие благословение, нравственную поддержку и материальную помощь. Когда после первых боев раненые воины заполнили госпитали, монастырь предложил принять их после оказания

необходимой врачебной помощи в госпитале к себе, расположив в монастырских гостиницах и обеспечив бесплатной трапезой.

После отречения Государя от престола и образования временного правительства в монастыре был произведен обыск, а настоятель арестован. Под арестом отца Игнатия продержали неделю, но поскольку ничего предосудительного в монастыре не нашли, он был отпущен на свободу.

После захвата власти в стране большевиками, в марте 1918 года архимандрит Игнатий был вызван в Валуйский исполком к председателю Рындину, который потребовал, чтобы наутро была доставлена на нужды советской власти вся монастырская наличность. Власти потребовали, чтобы монастырь выплатил восемьсот тысяч рублей контрибуции, а братия – десять тысяч рублей. Отцу архимандриту был вручен мандат для объявления братии решения советской власти, а также вместе с ним в монастырь был отправлен представитель власти, который должен был повсюду сопровождать настоятеля и участвовать в подсчете всех монастырских сумм.

По возвращении в обитель отец Игнатий вызвал братию в настоятельские покои, объявил о решении советской власти и сказал: “Боголюбивые мои братия! Слово Божие учит нас: всякая душа властем да повинуется; несть власти не от Бога, и противящиеся власти – Божию велению противятся. Посему, во исполнение приказа власти, мы должны сию же минуту приступить к учету всей монастырской наличности, также и нашей братской суммы при участии здесь перед нами предстоящего представителя власти и, по учете суммы, должны доставить ее полностью в исполнительный комитет”.

Монахи выразили свое согласие, после чего избранные от братии вместе с архимандритом Игнатием и представителем власти приступили к учету монастырских средств, которых в сумме оказалось всего десять тысяч сто пять рублей. Утром следующего дня все было представлено настоятелем в Валуйский исполком.

Однако нападения на монастырь и преследования монахов после этого не прекратились. Через три дня после этих событий было совершено нападение на обитель. Часов в десять вечера группа из тридцати вооруженных людей ворвалась в монастырь и приступила к поискам, как они говорили, оружия и золота. Обыск был начат с кельи настоятеля, а затем обыскали кельи всей братии, но ничего не нашли. Озлобленные бесполезностью поисков, они, угрожая оружием, запретили монахам выходить из келий, потребовали открыть собор и привели туда отца Игнатия. Отец Игнатий стал на колени и молился, а разбойники, приставив два револьвера к его голове, требовали, чтобы он сказал, где спрятано монастырское золото.

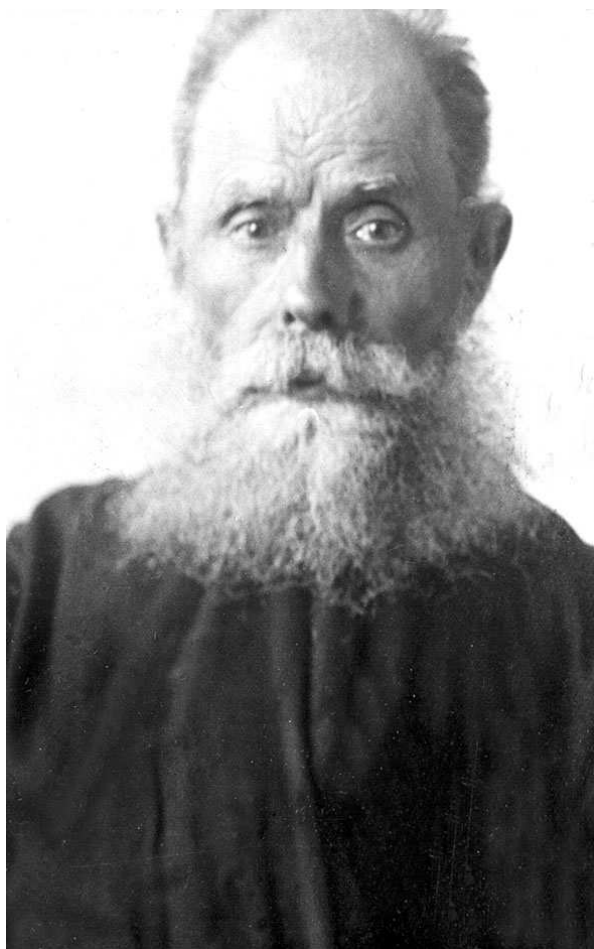
В монастыре не было никогда золотых вещей, и лишь некоторые богослужебные сосуды были серебряными. Все деньги уже были взяты властями. Разъяренные молчанием настоятеля, нападавшие стали стрелять над его головой. Затем вывели архимандрита Игнатия на паперть, раздели и, оставив стоять на морозе, отправились обыскивать номера монастырской гостиницы, забрав из церковных кружек несколько найденных копеек. Юноша-послушник под угрозой расправы принес последнюю выручку от продажи свечей, которой набралось пятьдесят два рубля. В два часа ночи нападавшие, забрав деньги, покинули монастырь.

В 1924 году власти закрыли монастырь. Отец Игнатий уехал в город Бирюч, где некоторое время жил у родственников. Но долго ли проживешь в родном

доме после сорока лет жизни в монастыре? В 1925 году в Воронеж прибыл великий святитель и подвижник, любимый и чтимый народом, архиепископ Петр (Зверев). 4 января 1926 года архимандрит Игнатий приехал в Воронеж. Но к служению он приступил не сразу: заболев тифом, он пролежал в болезни более двух месяцев. Архиепископ Петр назначил его на место, которое наиболее соответствовало дарованиям отца Игнатия и намерениям владыки привлечь народ к участию в богослужении: он поставил его руководить церковным народным хором.

Летом 1929 года архимандрит Игнатий попросил отпуск ввиду пошатнувшегося здоровья. Получив отпуск, он отправился в город Задонск, где остановился у своей племянницы, и прожил здесь около двух недель. Из Задонска отец Игнатий решил поехать в Киев, чтобы помолиться у киевских святынь, но, словно предчувствуя свой близкий арест, сперва задумал посетить все те места, с которыми была связана его жизнь. Он приехал в Валуйки и остановился у своего племянника. Прожил он здесь два дня и оба дня надолго уходил молиться к стенам монастыря, в котором прошли его отрочество, юность и зрелая жизнь и где он учился христианскому благочестию. Затем отец Игнатий поехал в Киев, где, остановившись у знакомых, прожил три дня, осматривая храмы и молясь у киевских святынь.

После возвращения в Воронеж отец Игнатий прослужил неделю и подал прошение об увольнении его на покой.

*Архимандрит Игнатий (Бирюков).
Воронежская тюрьма. 1930 год*

В начале 1930 года ОГПУ открыло против воронежского духовенства следственное дело. Среди многих других был арестован и архимандрит Игнатий. Пасху 1930 года он встретил в тюрьме. Вместе с ним в камере были священники, монахи и миряне, и в частности протоиерей Александр Архангельский и священник Феодор Яковлев. Начиная с Великого Четверга Страстной седмицы они совершали богослужение утром и вечером – по тем немногим книгам, которые были с ними в тюрьме, и по памяти. Священнический крест из кипариса был только у протоиерея Александра Архангельского. Служащий священник надевал этот крест, епитрахиль, в качестве которой служило полотенце, и начинали служить. В Великую Субботу с воли передали парчовую епитрахиль, и был отслужен водосвятный молебен, в конце которого один из священников, обращаясь к узникам камеры, сказал:

– Поздравляю вас с наступающим праздником Пасхи и желаю всем вам встретить его в добром здравии. Вам, братья-иереи, желаю и в дальнейшем быть твердыми защитниками веры православной, а вы, – обратился он к заключенным крестьянам, – должны приобщиться Святых Таин, потому что никто из нас не знает, когда наступит наша смерть; здесь есть много священников, у которых вы можете исповедаться.

Вечером в субботу были освящены куличи, и затем до двенадцати часов ночи узники читали по очереди Деяния апостолов. Удалось достать масло и устроить лампаду. В двенадцать часов ночи пропели “Христос воскрес” и стали укладываться спать. Пасхальную службу отслужили в воскресенье утром после проверки. Вся камера причащалась. После службы прикладывались ко кресту, который держал архимандрит Игнатий, христосовались и получали кусочек освященного кулича. В субботу и воскресенье священники получили передачи, которые были распределены между всеми узниками камеры. Таким же порядком прошла служба и на второй день Пасхи.

Архимандрит Игнатий был обвинен в том, что он являлся “фактическим руководителем монашества Центральной Черноземной области, через которое вел среди верующей массы антиколхозную и антисоветскую агитацию”. Отец Игнатий виновным себя не признал. 28 июля 1930 года на заседании Коллегии ОГПУ слушалось “дело”, по которому обвинялось тридцать восемь человек, в том числе и архимандрит Игнатий. Он был приговорен к десяти годам заключения в концлагерь. Через год Коллегия ОГПУ изменила приговор, постановив выслать его на весь оставшийся срок в Северный край. Архимандриту Игнатию было тогда шестьдесят шесть лет. Условия ссылки оказались непосильными для тяжело больного архимандрита, и через полтора года, 27 сентября 1932 года, на праздник Воздвижения Креста Господня, преподобноисповедник Игнатий скончался.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Русской Православной Церкви XX столетия.

Жизнеописания и материалы к ним. Книга 4»

Тверь. 2004. С. 368-378

Библиография

Воронежский вестник церковного единения. Воронеж, 1918. № 18. С. 20, 24.

Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Т. 2. Джорданвилл, 1957. С. 189-190.

Архив УФСБ РФ по Воронежской обл. Арх. № П-24705. Т. 1, л. 30, 87а; Т. 2, л. 171, 174-175; Т. 3, л. 350-352; Т. 4, л. 423-430, 492.